

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА: ИСТОКИ, СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ*

О. С. Анисимов, С. Н. Глазачев

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова,
НОЦ ТЭКО, Москва
Международный институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва

Ecological Paradigm: The Origins, Formation, Development

O. S. Anisimov, S. N. Glazachev

M. A. Sholokhov Moscow State University for the Humanities, SEC TECO, Moscow
International Institute of Public Service and Administration of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow

На примере размышлений Н.Н. Моисеева мы видим критическое сознание потребности в иной экологической парадигме. Основные ключи к созданию нужной парадигмы лежат не в слое самой практики, ее корректируемости, а в критериальной базе изменений практики. Новые критерии включают в себя соотношения «структура — система», «потребительство — солидарность», «рассудочность — разумность» в их диалектическом противоречивом единстве, циклическом характере. Поменяв критерии, мы найдем парадигму и построим как стратегию, так и тактику экологического самовыражения человечества.

On the example of N.N. Moiseev's reflections we see critical realization of requirement for other paradigm. The main keys to creation of the necessary paradigm lie not in a layer of the practice, its adjustability, and in criteria base of changes of practice. The new criteria include the ratio of the «structure — system», «consumerism — solidarity», «reasoning — rationality» in their dialectical contradictory unity, cyclical nature. Having changed criteria we will find a paradigm and we will construct both strategy, and tactics of ecological self-expression of mankind.

Проблемы экологии к концу XX в. стали судьбоносными для Земли, для прогнозирования будущего человечества и оценки перспективности сохранения инерции сложившегося подхода к управлению макросистемами, странами, к согласованным действиям стран в условиях разнообразных кризисов. Для выделения основных акцентов глобального экологического анализа обратимся к линии мысли выдающегося ученого, мыслителя, много занимавшегося главными проблемами экологии, Н.Н. Моисеева [27, С. 55—59]:

«Человечество имеет свою экологическую нишу, т.е. систему взаимоотношений с окружающей средой, законы развития которой человек обязан учитывать в своей практической деятельности и отступление от которых чревато для общества последствиями катастрофического характера. Это утверждение... я воспринимаю в качестве исходного постулата для всех рассуждений... если какой-либо вид оказывается монополистом в своей экологической нише, то он неизбежно переживает экологические кризисы, направленные на восстановление в ней равновесия... этот вид быстро исчерпывает ресурсы экологической ниши и терпит бедствие... при расширении эколо-

гической ниши развитие вида может продолжаться и вид способен сохранять свое монопольное положение... развитие человечества следует этому закону... поэтому экологические кризисы в истории человечества неизбежны... и они носят уже глобальный характер... они оборачиваются перестройкой не только биосферы, но и всей верхней оболочки планеты... необходимо научиться предвидеть кризисы и создавать новую экологическую нишу, изменяя свой образ жизни, свои потребности и характер активной деятельности».

Подчеркнем основное. Человечество занимает экологическую нишу и в ней проявляет свое отношение к окружающей среде, прежде всего в своей практической деятельности. Какое отношение сложилось в последние столетия, особенно с учетом индустриализации и колоссальным ростом городов, мегаполисов? Отношение, прежде всего «потребительское», которое не предполагает партнерство с окружающей средой, не предполагает признание самостоятельной значимости окружающей среды. Человечество выработало стереотип подчиненности всего своим устремлениям, потребностям. Будучи частью единого, пытаясь по Космосу на корабле, под названием Земля, челове-

* Работа подготовлена в рамках проекта «Экология человека: фактор культуры. Развитие экологической культуры детей и молодежи в информационном обществе», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (№ 13-06-00479).

ство, таким образом, вмешивается в бытие корабля, что существенно деформирует его, активно и с энтузиазмом порождает «пробоины» в нем, стимулируя появление кризисов судьбоносного уровня, подвергая перспективу дальнейшего бытия на Земле большому сомнению. Человечество увлеченно научилось вредить себе и продолжает это делать вопреки всем предупреждениям специалистов, усмотревших угрозу дальнейшего существования человечества на Земле. При этом те, кто ответственен за принятие судьбоносных решений на уровне страны и сообщества стран, устойчиво придерживаются сложившейся инерции, не готовы принципиально пересамеоопределиться и серьезно осмыслить иную, новую парадигму. Они уподобляются тем, кто и в науке не склонен замечать необходимость больших перемен в содержании оснований функционирования, кто продолжает реализовывать принцип подтверждения прежних оснований (в трактовке К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса и др.). Тем более что для руководителей макросистем поиск истины, реализм в понимании динамики человеческого бытия и последствий потребительской активности и т.п. гораздо менее значимы, в сравнении с действием экономических механизмов, прежде всего, спекулятивного типа, максимально обеспечивающих благополучие управленческих элит. Эти элиты превратились в заложников глобальных финансово-торговых спекулянтов и не видят путей противодействия им даже в тех случаях, когда сами осознают губительные прогнозы для глобальной динамики человечества, не обладают энергией перехода к противодействию подавляющими всю активность реалистов и искателей истины принципы потребительства.

Н. Н. Моисеев, как ученый и болеющий за перспективы человечества, за условия воспроизводства и развития бытия на Земле, исходит из простейшего основания, говорящего о том, что человечество обязано адекватно понимать, знать законы не только своего существования, но и среды, в которой существование происходит, обязано исходить из особенностей этой среды в планировании практической деятельности. А игнорирование этих законов неизбежно ведет к потрясениям, катастрофам, опасностям для воспроизводства бытия человечества. Более того, Н. Н. Моисеев говорит о том, что нельзя быть «монополистом» в своей экологической нише и нарушать равновесие. Тем более, когда человечество благодаря индустриализации и научно-техническому прогрессу все время увеличивает мощность средств своего воздействия на среду и среда уже не может компенсировать эгоизм потребительского отношения, демонстрируемого человечеством.

Простейшие концептуальные схемы и модели, характерные для структурного и системного подходов, соответствующих мыслительных техник анализа показывают [14], что воспроизводить себя может только система, а максимально адекватной в больших средах и в универсуме предстает та система, которая обладает метасистемными свойствами. В теологии последнее выражается в тезисе «богосоответствия» того, что порождено первопричиной. Достаточно соотнести проблему

совмещенности бытия «части» и «целого», части и части, включенных в «единое», рассмотренную Платоном, Аристотелем, Проклом, Платином и др., чтобы сделать принципиальный вывод. Потребительски ориентированная часть целого может полномасштабно проявляться лишь в структуре. В системе она имеет лишь границы допустимости для своего потребительского самовыражения. Если часть выходит за эти границы, она становится фактором трансформации системы в структуру с тенденцией полной «атомизации» и уничтожения бывшей целостности. Вместе с этим выделяется перспектива утери бывшей части своей «самости», так как и она подвергается разложению.

Тем самым, игнорирование иных частей единого, окружающей среды и тем более самого «единого» вплоть до универсума, несущего метасистемные принципы бытия всего, что является нарушением «законов бытия», а такие нарушения вызывают соответствующую реакцию, как охватывающей макросистемы, так и универсума в целом. Даже такие, упрощенные представления о бытии должны вести к принципиальным поправкам в самоорганизации человечества, прежде всего к управленческим коррекциям. Так как эгоизм части, подчинение всего ее воспроизводству соответствует самому «низкому» уровню отношений между любыми единицами бытия, любыми «нечто», то в сознании управленческих элит должны произойти колоссальные изменения, чтобы эти элиты стали адекватными сути бытия. Они должны резко изменить содержание своих оснований в принятии решений, заменить бесперспективную «потребительскую» парадигму на «солидарную», а затем — на «универсумальную» парадигму, в которой уделом части является вписанность в охватывающие целостности, вплоть до вписанности в универсум с сохранением своей «самости» в рамках того предназначения, которое задано универсумом для этой части.

Конечно, в более сложном, более точном представлении о бытии нельзя говорить лишь о подчинении менее развитого уровня бытия более развитому, рассматривать структурные отношения лишь как этап в становлении системных, а затем и метасистемных отношений. В динамике бытия такая направленность является частью циклов бытия, в которых законной становится и обратный процесс, в котором снижается роль метасистемности, затем и системности, усиливается роль структурных отношений. Поэтому на уровне микроединиц и макроединиц, в том числе и на уровне универсума действуют законы «пульсации», диалектики базисных «начал», которые Аристотель выразил как взаимоотношения «формы» и «материи» [21]. В системной аналитике используются термины «форма», «предельно-функциональная», «морфология» и «организованность» [29]. Во взаимоотношениях этих начал внутри любого «нечто» динамика предполагает переход инициативы от одного начала к другому и если более инициативна «форма», то увеличивается организованность, упорядоченность, а при усилении инициативы морфологии увеличивается линия хаотичности [11]. Воспроиз-

водство бытия включают обе инициативы в их сменяемости, но при соблюдении границ допустимых разотождествлений и отождествлений. В ходе развития или редукции бытия границы меняются, «расширяются» или «сужаются» в линии изменений, предусмотренной генотипом нечто. Если не удерживается, в силу внутренних и внешних факторов, помещенность динамики в границы нечто сталкивается с угрозой своему бытию [8].

Следовательно, сам принцип потребительства предполагает как наличие иных, противоположных принципов, так и их рассмотрение в рамках «циклического» и пульсационного закона динамики бытия. В качестве стимулятора главенства принципа потребительства выступает спекулятивная экономика, а стимулятором принципа солидарности и вписанности в универсум предстает сфера культуры и духовности. Следует только осознавать, что в любой сфере выделяются акцентированные типы, одни из которых тяготеют к «атомарности» и потребительскому отношению к среде, а другие к «молекулярности» и солидарному отношению к среде. Этим уравнивается единая динамика. Смена инициатив осуществляется во всех масштабах, в том числе и в Галактике, в универсуме в целом. Экологический кризис соответствует демонстрации инициативы потребительства и эгоизма, приведшей к экологической угрозе существования человечества. Но универсум меняет акценты и возникает инициация солидарности. Такие мыслители, как В. И. Вернадский, Тейяр де Шарден, Н. Н. Моисеев, Г. Померанц, А. Швейцер и др. являются вестниками смены инициатив, «услышавшими» зов универсума в нашей части Вселенной.

Н. Н. Моисеев соотносит экологические кризисы с экономическими. Человечество, как подчеркивает он, следует «монополистической» установке в отношении с окружающей средой, что предопределяет появление и экономических кризисов. При этом они уже стали глобальными по своим масштабам. Эгоистическое проявление спекулятивной экономики осуществляется при практически полной поддержке всей экономики, устремленной на товарно-денежную и производственную эффективность за счет инерции потребительской идеи. Сам ученый призывает остановить инерцию разрушения биосферы и всей верхней оболочки планеты. Но для этого, как он считает, необходимо научиться видеть опасности и сущность кризисов, переходить к новому образу мыслей, чувств, жизни в целом, к иной организации производительной активности. То, что остановиться и преодолеть инерцию всего сложившегося механизма общественной жизни в масштабах человечества невозможно без соразмерной по объему и глубине рефлексии [25], без качественной реконструкции прихода к кризису, без глубокой проблематизации, прогнозирования, самоопределения, перенормирования, перехода к более адекватным основаниям. Но именно реальный уровень рефлексивных способностей, подчиненного рефлексии мышления и самоопределения в управленческих элитах не соответствует велению времени. Факторы, не имеющие сущностную оправдан-

ность, предопределяют самоорганизацию и внутри-управленческие отношения членов элитарных сообществ при стимулирующем влиянии «золотого тельца». Смена образа жизни, интеллектуальные, мотивационные, самокоррекционные устои возможны в масштабах стран и сообщества стран лишь в рамках цивилизационного подхода [6]. Если соотнести экономический кризис, экологический кризис, кризис в образовании и др. кризисные проявления, то следует особо подчеркнуть, что глобальный кризис имеет цивилизационную основу. Только следуя цивилизационному подходу, стратегическая рефлексия может прийти к многомерному объяснению происходящего [16].

Н. Н. Моисеев привлекает контекст цивилизационной динамики:

«В конце XX века стало ясно, что стремление к владению на основе представления о безграничной неисчерпаемости природных ресурсов привело человечество на грань катастрофы... человечество стоит перед неизбежной цивилизационной перестройкой, перестройкой всех привычных нам начал... многие характеристики его, человека, психической конституции должны быть изменены... если положиться на волю стихии, то наступающий кризис выльется, скорее всего, в уничтожение человечества... должна быть этому противопоставлена разумная стратегия, общая для человечества [1, С. 61—62].

Он подчеркивает исчерпание значимости установки на «безграничную неисчерпаемость» природных ресурсов. Понимание того, что человечество подошло к черте, после которой видна перспектива катастрофы и необходимо осуществление цивилизационной перестройки, без которой велик риск уничтожения человечества. Необходима «разумная стратегия» не для одной страны, а для всего человечества. Однако стратегическая интуиция и печальный характер возможных вариантов прогноза далеко недостаточны для создания положительной альтернативы. Осознание неэффективности реализуемого подхода и связанной с ним инерции является лишь поводом для поиска разумного и надежного выхода. Сам же поиск и его успешность в указанных условиях зависят от того механизма и мощи механизма мышления, которое соразмерно стратегической проблемной ситуации, от тех базисных содержательных средств мышления, которыми должен пользоваться стратег. Само понимание стратегии, стратегической функции и технологии стратегического мышления, сложившихся в управлении, по преимуществу остается существенно сниженным, несоизмерным трудности проблемной ситуации в бытии человечества [3]. Практически не учитываются факторы качества стратегической мысли, известные еще во времена Платона, Конфуция, Сунь-Цзы, Гуй-Гу-Цзы и др. Сущностные мирокартинки не рассматриваются как оперативные средства стратегического мышления, не привлекается культура мышления, которые специфичны для стратегического анализа.

Правильное указание на потребность в «разумных стратегиях» предполагает еще огромную ориентацию в

том, что такое «разум» в отличие от «рассудка», в тех следствиях от этих различий, которые имеют место в стратегическом мышлении, а базисные различия в этой линии заданы наиболее глубоко в немецкой классической философии [22]. Разумное мышление наиболее естественно возникает именно в управленческих иерархиях, в мыслительных отношениях иерарха с соучастниками иерархического управления в рамках системно-метасистемного подходов [7]. С другой стороны, содержанием стратегии должны стать макросистемы масштабов страны. Поэтому необходимо понятие «страны», которое можно ввести лишь в рамках цивилизационного подхода, так как совмещение всех типовых функциональных «зон» страны вытекает из понятия «цивилизация». Но именно понимание цивилизации, ее сущностной основы крайне легковесно в современной литературе, как и понимание сущности культуры [17]. В то же время, раскрытие понятия цивилизации позволяет прийти к резкому взлету качества анализа общественного процесса и исторической динамики [9].

Тем самым, совмещение возможностей средств цивилизационного подхода и разумного типа механизма мышления открывает большие перспективы в решении стратегических проблем и задач. В нашем случае это касается постижения совершенного цивилизационного кризиса, имеющего и указанные экологическую, экономическую и т.п. составляющие. В частности, условием подлинной проблематизации в экологическом слое предстает и применение онтологических средств мышления в рамках метасистемного подхода. Из них вытекает и идея «коэволюционных» отношений между обществом и природой. Об этом говорит и Н. Н. Моисеев:

«Первым остро сформулировал идеи эпохи ноосферы В. И. Вернадский, первый произнес слово «ноосфера» Ле Руа, первый широко начал обсуждать особенности этой эпохи Тейяр де Шарден... Я предлагаю понятие «эпохи ноосферы» отождествить со временем, когда состояние природы и общества будет способно обеспечить режим коэволюции... «устойчивое развитие» как стратегию перехода к «эпохе ноосферы» [26, С. 62—63].

Понимание «ноосферы» фактически основывается на совмещении эволюций природы и общества, на осознании самозначимости и природы, и общества, на их «взаимопризнанности», а в мышлении эколога это означает внесение системного, а не только структурного основания совмещения. В нем свои «обязанности» от имени единого имеют и природа, и общество. Они приобретают границы допустимых «самодвижений», воспроизводящие единое и имеющие перспективу развития. Более сложное и дифференцированное понимание этих проблем и перспектив складывается при использовании понятия цивилизации. Объектная интуиция позволила Н. Н. Моисееву приблизиться к этому:

«Стратегия будет касаться всех сфер жизни людей — технического развития, культуры, образования, нравственности... придется изменить всю систему общественных и межстрановых отношений, шкалы ценностей... в банальной трактовке устойчивого развития

вне контекста эпохи ноосферы каждая страна будет встречать и преодолевать кризисы, взлеты и падения, в непрерывных поисках, а это не устойчивое развитие... Требуется качественное совершенствование механизма эволюции и необходимо целенаправленное действие коллективного интеллекта... как инструмента самопознания и воли человека» [24, С. 70—73].

Действительно, стратегия выхода из экологического кризиса, как и цивилизационного кризиса, опирается всех сфер жизни людей, общества. В понятии цивилизация на самом абстрактном уровне рассматриваются три базисных источника сил: народ, управление (государственное) и культура и духовность. Высшие критерии согласования и самоорганизации в любых типах ситуаций [15]. Если управленческий корпус реализует прагматику внесения форм в разрешение проблемных ситуаций в жизни народа, по запросу народа, то высшие критерии вносят в действия управленцев высшую определенность и неслучайность. Они, культура и духовность, вносят определенность и неслучайность и в самоорганизацию народа, что позволяет адекватно реагировать на усилия управленцев. Цивилизация сама возникает как переход к согласованным усилиям представителям всех трех базисных источников сил. Но совмещение сил может быть разного типа, с преимуществом разных сил, что и определяет типологию цивилизации.

Стратегия развития в указанном контексте, в связи с экологическими проблемами, охватывает согласование между странами, внесение в отношения между ними признаков системности и метасистемности, отходя от теперешней структурности. Будущие отношения не соответствуют теперешней моно или даже полиполярности, так как эгоцентризм сильных стран становится «пережитком» прошлого. А сами отношения подчиняются универсальным и нейтральным критериям, исходящим из сути бытия, из понимания законов универсума и первооснования «всего». При этом оригинальность цивилизационных единиц, стран остается, но уже не в «атомизации», а в «молекуляризации» единого человечества. Н. Н. Моисеев также размышляет о совместности бытия человечества:

«Следует использовать дарованный природой Разум... общее согласие, реализацию потенциальной способности людей к созданию коллективной, общепланетарной стратегии. И неочевидно, сможет ли человек обеспечить такое согласие... потребуются новые знания, выработка с их помощью новых парадигм существования и коллективной воли для их реализации, а самое главное — должна быть изменена шкала ценностей... новые знания будут формировать и новые ограничения... людям придется во все большей степени согласовывать свои действия с общецивилизационными требованиями... нужна умная организация и структура властей, которая способна обеспечить и формирование стратегии, и ее реализацию... людей, способных блюсти интересы общества в целом» (указ. соч., с. 74—76).

Ученый обращается к «дарованности» природой разуму способности к общему согласию, коллективности,

к способности выработать стратегии. Но он же и сомневается, сможет ли человечество обеспечить желаемое согласие. Чтобы участвовать в разработке планетарной стратегии и прогнозировать ход и результаты разработок следует понимать, знать реальные ресурсы человечества, иметь принципиально более сложное представление об этом ресурсе. С одной стороны, у человечества, помимо великого жреческого прошлого с подлинным знанием сути бытия, гармонизированным сочетанием высшего знания и веры [12], были взлеты философской мысли, на результаты которых могли опираться вожди, управленческая элита. Так глубокие воззрения имелись в древней Индии, Китае, в том числе в «Книге Перемен» (И Цзин Чжоу И), в которой раскрывался путь совершенствования человека, включая путь правителя, но был и шедевр подобного взгляда на Западе в учении о духе Гегеля, дававшего великие ориентиры в сути бытия человека и человечества [10]. Благодаря таким взглядам переход к построению планетарной стратегии был бы надежно обеспечен ориентирами, а также великим «абсолютным методом» Гегеля [10].

С другой стороны, в этих учениях даны этапы прихода к «зрелости» мысли и духа в целом, условия такого прихода. А движение к высшему для людей и человечества в целом осуществляется в конкретной цивилизационной динамике. Если во времена расцвета нашей прародины Рассении, во главе со столицей духа Асгардом цивилизация была под покровительством носителей высшего духа, светлого жречества, носителя мощи культуры и духовности, то во времена перехода инициативы общественного строительства в руки правителей, при создании управленческих цивилизаций типа Китая, Вавилона, Персии, а тем более Рима, Ассирии и др. высота духа была снижена прагматизмом, либо с акцентировкой на созидание, типа империи Кира Великого, либо с акцентировкой на приобретение и завоевание, типа Рима. Когда в качестве активного фактора выступила торговля и финансы, усиленные промышленной революцией, индустриализацией, когда миром стали править «деньги», прикрытые спекулятивным демократизмом, высота духа, ума перестала быть самозначимой в организации общества и ее остатки лишь обслуживали «власть денег», спекулятивную элиту. Возник глубокий отрицательный потенциал, оправдывающий сомнения Н. Н. Моисеева. Противостояния, войны все более изоциренного и губительного типа стали доминировать, обслуживая интересы спекулятивного глобального финансового олигархата [15].

Н. Н. Моисеев предполагает, что нужны новые знания, выработка с их помощью новых парадигм существования и коллективной воли, новая школа ценностей, вводящие новые рамки, ограничения, общенациональные опоры для принятия решений. Мы считаем, что нужные знания есть и их имели, имеются в исторической памяти цивилизационного сообщества. Но их необходимо вывести из состояния «потенциала», актуализировать, придать им технологическую форму. В качестве предпосылки сущностного взлета, актуализации выступает возникшая в недрах философии и логики, в нашем Отечестве, в середине

XX в. методология, прошедшая этап «детства» и трансформированная под новые великие цели и задачи [5]. Однако качественное, полноценное внедрение методологии в управленческий процесс, особенно в стратегическое управление не может быть легким из-за огромной разницы между сложившейся подготовкой управленцев, парадигмой образования и тем, что необходимо и возможно [18]. Пожелание Н. Н. Моисеева о создании умной структуры, организации властей остается лишь мечтой при неспособности реальных заказчиков увидеть и желать путь созидания обновленного управленческого корпуса. И все же мы не только имеем концептуальный взгляд на «нового правителя», иерархические системы управления, но и на механизм их возникновения, создаем прототипы этих механизмов [19].

Очевидно, что введение новой и управленческой, и образовательной парадигм потребуют иных образовательных комплексов, в том числе и иных университетов. Об этом и говорит Н. Н. Моисеев:

«Только совместными усилиями гуманитариев и естественников, обеих культур мы сможем решить задачи, возникшие перед человечеством... Здесь университетам пришло время сказать свое слово... им предстоит научить специалистов, вне зависимости от их профиля, смотреть на свою деятельность с общечеловеческой точки зрения, с позиции взаимоотношений общества и природы. Ростки новой цивилизации должны зарождаться и пестоваться в них, в этом их обязанность и ответственность» [28, С. 123].

Действительно, необходим новый, великий синтез высших научных и философских знаний, его результаты следует положить в качестве общей базы знаний для любых специалистов. И не только для рефлексии своей «частной» деятельности с общечеловеческой точки зрения, где соблюдаются интересы гармонического совмещения природы и общества, но и для перехода к универсальному подходу во всех сферах деятельности, к рефлексивной самоорганизации, где в качестве базисного средства выступает видение сути бытия. И это может обеспечить реализацию ноосферной идеи, возврата к стандартам самоорганизации наших предков, руководимых светлыми волхвами и жрецами. Образование должно обратиться к введению условий такой самоорганизации члена общества, введению стандартов способностей к адекватной рефлексивной самоорганизации во всех типах сред. Это и должно стать содержанием «общего образования». Россия имеет и духовно-культурные истоки, и генетические предпосылки, и историческое прошлое, забытое усилиями правителей, особенно после смуты начала XVII века, чтобы стать мировым лидером в цивилизационном «возрождении» планеты.

Опираясь на возможности методологии, мы еще с конца 70-х гг. XX в. пришли к концепции универсальной самоорганизации в профессиональной деятельности, рассматривая управленческую деятельность как базисную для вычленения всех основных типов деятельности, стоящих в функциональной картине кооперативных

систем деятельности соучастником управления [20]. В начале XXI в. при обсуждении перспективных проектов нового университета мы ввели концепцию, в которой в качестве выпускников университета выступают «команды», в ядре которых рассматриваются управленцы стратегического типа, могущие дополниться тактическим уровнем управленцев, с их типовым обеспечением «учеными», «аналитиками», «педагогами» [1]. Такие команды способны взять на себя ответственность как за спасение погибающих производств и институтов, так и за ускоренное развитие учреждений любого типа. Тем самым, университеты готовят специалистов, сочетающих высшие знания и методы с прагматикой реального управления и созидания всех типов. Тем более что сам образовательный механизм основывается на игромоделировании, в котором только и можно организованно выращивать новые способности и механизмы профессионального и общего развития [4]. Приближенную модель подобного процесса формирования управленческих способностей мы опробовали в Высшей школе АПК РСФСР с 1988 г., до начала реформ, разрушивших все начинания. Лишь в 2010 г. мы, на новой базе возможностей, вернулись к подготовке управленцев, но уже собственно стратегического типа. Как и в опыте конца 80-х гг. мы в качестве базисного стандарта вводили методологический корпус мыслительных средств, являющихся универсальными, «общеобразовательными». Но в конце 90-х гг. и в начале первого десятилетия этого века мы резко усилили онтологическую составляющую базисных ориентиров. Этим приближали реализацию общецивилизационную составляющую опор и философско-мировоззренческую приоритетность в рамках высшей мыслетехники. И Н. Н. Моисеев отмечает роль сущностных инвариантов в практике организации коллективных взаимодействий судьбоносного типа:

«Должны существовать цивилизационные инварианты, ибо человечество взаимодействует с биосферой как единый род... выявить «начальную грамоту», экологическую, довести ее до миллионов людей и есть высшая цель системы «Учитель»... т. е. сердцевину всех земных цивилизаций» [27, С. 125].

Именно универсальная ориентация, мировоззренческие ориентиры и соответствующее мироотношение на основе принципа адекватной включенности части в целое, введение соответствующих стандартов является судьбоносными условиями выправления нынешнего положения в усилиях по обустройству жизни и «вытеснения» экологических и цивилизационных в целом проблем. От внесения новых ориентиров и стандартов зависит и переход к экологическому воспитанию, охватывающему всю жизнь человека:

«экологическое воспитание должно охватывать всю жизнь человека... иметь целью формирование мировоззрения, основанного на представлении о своем единстве с природой, о направленности культуры и практической деятельности не на эксплуатацию природы и даже не на ее сохранение, а на ее развитие, способное содействовать развитию общества» [27, С. 24].

«Экологический профессионализм... связан со способностью принимать наиболее рациональные технологические, хозяйственные, административные и т.п. решения с учетом экологических факторов» [27, С. 26].

Н. Н. Моисеев вводит важную мысль о совмещении установок на единство с природой, на устранение установки на эксплуатацию природы с установкой, как на сохранение, так и развитие природы, содействующее развитию общества. Ученый указывает на «принцип кормчего», поясняющий характер отношений с природой [27]:

«Принцип кормчего говорит, что он не должен рассчитывать только на свои силы, в максимальной степени он обязан уметь использовать могучие силы Природы и не идти наперекор потоку... понять естественные тенденции развития и с помощью этого знания, во имя сохранения себя на планете стремиться преодолевать трудности развития... Об этом в XIX в. говорил еще Трентовский» [27, С. 178].

В рамках данного принципа пользователь внешней среды должен рассчитывать не только на свои силы, но и на возможности среды, природы в целом. Тем более что силы природы неизмеримо мощнее сил пользователя, который, в локальных сюжетах и может приходить к иллюзиям своей всеисильности. Опора на подобные иллюзии и приближает неизбежные катастрофы, как в масштабах доступных для оперирования локусах природы, так и относительно губительных последствий для самого «неразумного» человечества [26, С. 139].

«Не только биосфера, но и вся наша вселенная держится на острие — ничтожное изменение ее фундаментальных параметров ведет к срыву, к ее полной перестройке... Человечество ходит по острию бритвы: только величайшая согласованность мировых постоянных, их настройка обеспечила развитие эволюционного процесса, благодаря которому вселенная обрела с помощью человека возможность познавать самую себя».

Система запретов, из которых мы знаем лишь ничтожную часть является важнейшим фактором, направляющим мировой процесс самоорганизации... По мере усложнения материальных структур все отчетливее просматриваются и деструктивные слагаемые процесса самоорганизации... в уменьшении стабильности... стабилизирующим фактором может стать Разум, хотя может оказаться, что именно он и является основным разрушителем» [26, С. 140].

«Богданов утверждал, что для развития организационные структуры, социальной или биологической, необходимы не только отрицательные, но и положительные обратные связи... Любая организационная система проявляет способность различать оба типа обратных связей. Одни только отрицательные обратные связи, особенно если они совершенны, приводят систему в такое устойчивое состояние, что она не способна меняться... а это означает застой, деградацию, исчезновение вариативности, без которой никакая эволюция живого невозможна» [26, С. 148—149].

«Появление интеллекта на Земле... постепенно изменило темпы практически всех эволюционных про-

цессов в биосфере... изменились регулирующие возможности всего планетарного вещества» [26, С. 164].

Действительно, неразумно ходить по лезвию бритвы. Но эту опасность следует, и осознать, и принять установку на недопустимость опасного поведения. То, что экологическая проблематизация сначала опиралась на очевидность созерцаемого, на беды деформации самой окружающей среды, в частности, на загрязнения и внешние для наблюдателей факторы и эта линия не могла привести к существенным раскрытиям, было неизбежно. Поэтому сложился упрощенный подход и в экологическом образовании. Однако ноосферные аспекты мысли с неизбежностью вели к более глубоким размышлениям [23, 24]. В частности, обращено было внимание на источник экологически неприемлемых поступков людей и подчеркнута роль внутреннего становления, обретения способностей к экологически неслучайному поведению. Сформировалась концепция экологической культуры. В основу экологической культуры вводились культурно-мыслительные, культурно-мотивационные и самокоррекционные, в том числе и онтологические факторы [2].

Заключение

Мы видим, что экологические проблемы, при всей их масштабности, охватываемости всей территории Земли, при всей драматичности динамики и последствий для человечества, очевидности содержания губительных проявлений все же выступают лишь поводом для критического анализа форм активности и самоорганизации человечества. Установка на потребительство выразилась в соответствующей парадигме активности и самоорганизации. Действенность такой парадигмы, ее полезность полностью исчерпана. Нужна другая парадигма. На примере размышлений Н. Н. Моисеева мы видим критическое осознание потребности в иной парадигме. Основные ключи к созданию нужной парадигмы лежат не в слое самой практики, ее корректируемости, а в критериальной базе изменений практики. Поменяв критерии, мы найдем парадигму и построим как стратегию, так и тактику экологического самовыражения человечества. В критери-

альной иерархии принцип потребительства является наиболее «низким» и ведущим к охарактеризованным опасностям. Критерий, содержанием которого выступает включенность части в целое, понимаемое и натурально-естественно-научно, и глобально общественным, и цивилизационным, и универсальным образом дает перспективу кардинальной переориентации человечества.

Однако обращение к указанному, альтернативному по содержанию и уровню критерию предполагает смену подхода к активности и самоорганизации, внесение самых мощных возможностей культуры и духовности, онтологических и мироотношенческих инструментов, технологических форм и моделей в самую широкую практику управленческой деятельности и деятельность всех типов специалистов, в социальное бытие всех людей. А это невозможно без коренной реформы образования, которое продолжает бессмысленный, ситуативный бег в реформировании, постоянно снижая притязания для «всех» и пытаясь сохранить глубокое для «некоторых». Но коренные трансформации опираются на полномасштабные обоснования, привлечение высших знаний, критериев, методов, моделей, стратегический взлет мысли, на политическую волю, обладающую разумной основой, метафизическим ясновидением. А такой управленческой элиты ни у нас, ни в других местах, за редким исключением, нет. Ее необходимо создавать, так как народная мудрость говорит, что «рыба гниет с головы», да и без мудрецов, владеющих универсальным знанием и самоорганизацией, сама элита нового типа не будет создана.

Поэтому требуется общечеловеческая мобилизация стратегического типа и актуализация всех тех предпосылок, о которых велась речь. Благодаря переходу методологии с рельс рассудочности на рельсы разумности именно Россия обладает всем необходимым, чтобы стратегическая мобилизация произошла, чтобы она стала успешной при полноценной актуализации наследия прошлого. Совместными усилиями всех «прозревших» в мире и духовно-интеллектуальными обеспечениями мы обязаны привести к коренному повороту от трагической перспективы к новой редакции «золотого века» человечества.

Литература

1. Анисимов О. С. Принятие решений в управленческих иерархиях. — М., 2004.
2. Анисимов О.С., Глазачев С.Н. Экологическая культура: восхождение к духу. — М., 2005. 174 с.
3. Анисимов О. С. Стратегии и стратегическое мышление. — М., 2006.
4. Анисимов О. С. Развивающие игры. Игротехника. Методология. В 2-х т. — М., 2006.
5. Анисимов О. С. Методология: сущность и события. — М., 2007.
6. Анисимов О. С. Методология и цивилизационное самоопределение в 21 веке. — М., 2008.
7. Анисимов О. С. Мышление и логика «восхождения». — М., 2008.
8. Анисимов О. С. Методология безопасности. — М., 2009.
9. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 13. История: цивилизационный подход. — М., 2010.
10. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 20. «Абсолютный метод» и философское мышление. — М., 2010.
11. Анисимов О. С. Философия и познание, бытие и метод. — М., 2011.
12. Анисимов О. С. Россия от Астарда до Москвы. — М., 2011.
13. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 24. Совершенствование человека и развитие. — М., 2011.
14. Анисимов О. С. Структура. Система. Метасистема. — М., 2011.
15. Анисимов О. С. Войны: сущность, типы, стратегии, технологии. — М., 2013.
16. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 22. Цивилизационная история: стратегический взгляд на истоки цивилизационного кризиса. — М., 2011.
17. Анисимов О. С. Культура и духовность в мышлении стратега. — М., 2012.
18. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 29. Стратегический инкубатор. — М., 2012.
19. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 30. Разумная стратегия: опыт, проблемы. — М., 2012.
20. Анисимов О. С. Проблемы педагогики и психологии высшей школы (преодоления игротехнической парадигмы). — М., 2012.
21. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. — М., 1976.
22. Гегель. Наука логики. Т. 1-3. — М., 1970—1972.
23. Гагарин А. В., Глазачев С. Н. Экологическая акмеология. Педагогическая адаптация. — М., 2012. 240 с.
24. Глазачев С. Н., Вагнер И. В., Полева М. П. Моделирование пространства формирования экологической культуры: теоретический аспект. Вестник Международной академии наук. Русская секция (Электронный ресурс), 2011. 1: 11—16. Режим доступа: <http://www.herald.rsis.ru/online/2011/1/205/>
25. Лефевр В. А. Рефлексия. — М., 2003.
26. Моисеев Н. Н. Современный рационализм. — М., 1995.
27. Моисеев Н. Н. Экология и образование. — М., 1996.
28. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. — М., 2001.
29. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. — М., 1995.